

Вэй Хуань украдкой взглянула на наследного принца. Её новый супруг рассеянно выпил вино, связал их пряди волос и тут же велел подать сменную одежду. Вэй Хуань вдруг проявила необычайную проворность: вскочила, взяла у служанки одеяние и сказала: «Позвольте мне помочь вам переодеться». И, не мешкая, сняла с принца церемониальные одежды и надела на него повседневные.

Она привыкла прислуживать Тайпин и сейчас, охваченная тревогой, действовала очень быстро. Когда принц переоделся, он оглянулся на неё и равнодушно произнёс: «Там кое-что случилось. Если я не вернусь, ложись спать». И поспешно вышел, оставив Вэй Хуань одну в покоях новобрачных.

Рядом с Вэй Хуань не было никого, кому она могла бы доверять, и она лишь сидела на краю кровати в оцепенении. Под утро кто-то наконец пришёл и доложил: «У принцессы прошлой ночью случился приступ болезни сердца, она на полпути вернулась во дворец и до сих пор не приходит в себя. Наследный принц приказал вам навестить её».

Сердце Вэй Хуань болезненно сжалось, и она схватила гонца за руку: «Где она?»

Тот скривился от боли, и Вэй Хуань поспешно разжала пальцы, услышав в ответ: «В чертоге Линци». Не переодевшись и не вызвав паланкина, она быстрым шагом вышла и вскоре дошла от Восточного дворца до чертога Линци.

Некоторые разрозненные заметки об эпохе Тан:

1. В эпоху Тан, вобравшую в себя традиции предыдущих династий, сложилась атмосфера, при которой императорский двор и простой народ отличались свободой нравов, а аристократия оставалась консервативной. Принцессы и простолюдинки нередко выходили замуж повторно, однако в знатных семьях правила походили на более поздние, требуя соблюдения женской добродетели, верности и строгости (что, впрочем, не означало запрета на разводы и новые браки — нравы танской знати были всё же мягче, а семейные узы ценились выше). Невестка обязана была служить свёкру и свекрови, заботиться о родне, вести хозяйство и избегать встреч с посторонними мужчинами. Поэтому образ жизни знатных девиц сильно отличался от нравов некоторых принцесс.

2. В Танскую эпоху к рабам и служанкам относились довольно безучастно, не считая их равными людьми. Фраза «наложницы и скот — одно» существовала не просто так. Даже такой просвещённый государь, как император Тай-цзун, открыто пренебрегал принцессами прежней династии и дочерьми чиновников, попавших в его гарем (и родивших ему детей), заявляя: «При Ханьской династии было принято в восьмом месяце отбирать в Лояне дочерей, отличающихся красотой и статностью, и доставлять их в задние покои. Нельзя брать с них пример. Однако ныне в дворцовых покоях множество приставленных к делу ртов, коим велено рожать принцев, что не подобает. Рассуждая о пополнении дворцовых рядов, надлежит следовать ритуалу». Он называл своих наложниц «приставленными к делу ртами», не годными «рожать принцев», и был к их детям холоден. В танских записках также встречается множество примеров, где рабов и наложниц попросту дарили, убивали, истязали и даже употребляли в пищу (не от нужды, а ради забавы). Современники хотя и порицали такую жестокость как негуманную, но не считали её противозаконной. Для них рабы и вправду были вещами, а не «людьми». (В этом отношении эпохи Мин и Цин шагнули вперёд, особенно Цин, где к дворцовым служанкам относились доселе невиданно хорошо — возможно, потому что все они были маньчжурками).

3. Поскольку наложниц считали вещами, а не людьми, большинство древних относилось к однополю любви довольно терпимо — при условии, что человек исполняет свои обязанности (служит свёкру и свекрови, заботится о младших деверях и золовках, рождает сыновей, управляет домом, соблюдает ритуал и относится к своему однополему партнёру как к инструменту, а не как к равной личности). Ли Ши-минь, страстно любивший супругу и презиравший многих наложниц, попавших во дворец в качестве добычи, всё же зачинал с ними детей; Дай-юй ревновала к Бао-чай, но почти не обращала внимания на Цзян Юй-чаня и Сы-жэнь — всё по той же причине. Связь с наложницей того же пола сродни нынешнему увлечению развлечениями: реакция родителей зависит от степени вашей поглощённости. Да и важность этого увлечения может быть разной: для кого-то это сериал, за которым готовы сидеть до утра, или редчайший экземпляр коллекции, ради которого год голодали, а для кого-то — случайная игра в браузере, которую через пару дней забудут. В любом случае, это не ваша настоящая подруга.

4. Задние покои в Танскую эпоху не были столь принижены, как при Цин. Императрица обладала весьма значительной властью. Кроме того, в гареме существовала чёткая система рангов, подобная чиновничьей, и наложницы могли повышаться по службе в зависимости от возраста, стажа, заслуг, происхождения и прочего, по большей части без вмешательства императора. Поэтому нелюбимые Ли Ши-минем наложницы Инь и Вэй всё же смогли подняться до ранга «гуйфэй». А У Цзэ-тянь, хоть и не подпускала наложниц к императору Гао-цзуну, сохранила все положенные ранги в гареме укомплектованными. Кроме того, ранг «цайжэнь» при Тан был довольно высоким. У Цзэ-тянь вошла во дворец сразу как цайжэнь — возможно, потому что её мать была из рода Ян (говорят, она просто примазалась, но помощь некоторых вдовствующих наложниц она определённо получила). В Танскую эпоху ранг князя был первым (при Цин князья имели «сверхранг», намного превышающий первый), многие первые министры имели лишь третий ранг. Чиновники пятого ранга и выше имели право участвовать в обычных аудиенциях. Кроме того, танская система должностей была сложной: иногда перевод с седьмого ранга на девятый или с пятого на шестой считался повышением — об этом как-нибудь в другой раз.

5. Поскольку власть императрицы была слишком велика, а наследный принц и его супруга также обладали немалыми полномочиями, императоры среднего и позднего периода постепенно урезали их права. Порой они вовсе не назначали наследника или императрицу (император Сянь-цзун, дабы не мешали ухажёрству, наотрез отказался возвести свою первую супругу в императрицы, оставив её гуйфэй), либо назначали, но не давали наследнику полного штата помощников или достойных советников, либо не предоставляли супруге наследника реальной власти (супруга наследника, подобно императрице, имела свой штат и ведала многими делами, касающимися женщин), что порождало множество проблем с престолонаследием.

Я очнулась.

Не очнуться было нельзя. Со дня свадьбы я проспала целых три дня. Ко мне то и дело навевались придворные лекари, матушка с отцом навещали по нескольку раз на дню. Матушка даже несколько раз выходила из себя.

Если бы я не очнулась, пострадали бы лишь слуги.

Я лениво открыла глаза, перевернулась на бок и увидела, как служанка у ложа заплакала от радости: «Принцесса очнулась, очнулась!»

Тут же вокруг меня собралась толпа — мои собственные служанки, само собой, а также люди

от матушки, отца, наследного принца и моей любезной невестки.

Вэй Хуань, с причёской замужней женщины, в трёх или четырёх жемчужных шпильках, в зелёном коротком халате, с белым шарфом, в жёлтой шёлковой юбке и вышитых туфлях, не стала подходить сразу, а выждала, пока толпа расступится, и лишь затем неторопливо приблизилась, села у моего изголовья и тихо спросила: «Тайпин очнулась?»

Теперь она могла открыто звать меня по имени, но в её голосе не звучало ни капли искренности. В тот миг я бы предпочла, чтобы она назвала меня «принцесса».

«Благодарю за заботу, я в порядке», — я прикрыла глаза. В пустом животе заурчало. О, как же мне сейчас хотелось, чтобы мне принесли лепёшку ху! Не обязательно с лучшими яствами — просто нарезать мясо соломкой, побольше кизильника, перца и чесноку, засунуть в лепёшку, густо посыпать кунжутом, смазать баранним жиром и запечь до хрустящей, ароматной корочки. И не резать, а взять в руки и откусить большой-пребольшой кусок — этот жирный, пряный вкус как нельзя лучше подходил к нынешнему унылому зимнему дню.

Я непроизвольно сглотнула слюну, попыталась приподняться на руках, но служанки уже сами подхватили меня, устроив на мягких, высоких подушках. Я удобно устроилась, не глядя на Вэй Хуань, а лишь жадно уставилась на ближайшую служанку: «Есть что-нибудь поесть? Я голодна».

Еда, разумеется, была наготове и томилась на жаровне, но когда её подали, один вид отбивал всякий аппетит: варёная курица, нарезанная мелкими кусочками, без единой приправы, кроме соли; маленькая пиала каши, в которой явно было с избытком лекарственных трав — даже на расстоянии чувствовался аптечный дух; отвар гаоляна, хорошо мне знакомый — говорят, лечит сердечные боли, потому в детстве я пила его часто. Шаншань его приготовил вполне съедобно, но я с детства им пресытилась и сейчас даже смотреть на него не хотела.

Я нахмурилась, глядя на Сун Фою, что руководила служанками, подававшими еду: «И больше ничего нет?»

<http://bllate.org/book/16278/1466841>